

Очнулся я в своей койке в казарме. Тело болело так, будто меня пропустили через большую камнедробилку. На боку обнаружилась повязка, на правой руке гипс. Пару недель назад я специально притормозил своё заклинание, оставив только непосредственную угрозу жизни. А то исчезновение синяков и царапин буквально через пару минут могло вызвать ненужный интерес.

«Самое главное, ничего не помню. Где это я так? Помню с Таней бежали с тренировки, кто-то выскочил из-под земли, а дальше, как отрезало. Что это за тренировка такая?»

— Шесть человек в спецкостюмах. Шесть! Теоретически, он должен был там умереть. Собственно, в этом и заключается смысл инициации. Путём перебора родовой памяти, найти наиболее выживаемого персонажа, характеристики которого накладываются на теперешнюю личность. А что делает этот... кадет. Голыми руками и ногами расшвыривает обученную и сработавшуюся пятёрку и выходит на меня. А после всего завалил и чуть не изнасиловал младшего инструктора.

— Знаете что? Может я и тороплюсь, давайте пустим его на полосу.

— Ну сейчас он вряд ли сможет. У него рука сломана. Я малость перестарался.

— Я смотрю, он в долгу не остался, — говоривший кивнул на корсет майора.

— Паршивец, сломал мне три ребра. В спецкостюме. Очешусть!

— Ну, значит, как выздоровеет. Тем более, мне докладывают, у него аномально высокий уровень регенерации. А пока чем намерены его занять?

— ОФП*, растяжка, китайский и попробуем аккуратно выяснить, кого он там себе скачал.

— А как?

— Ну, ментальными заклинаниями у нас Таня хорошо владеет. Эта схватка у него вроде воспоминания о кинокартине должна быть. Судя по предыдущим случаям. Хотя с этим персонажем ни в чём нельзя быть уверенным. Вы же помните обстоятельства его появления.

— Попробуй тут забудь. Я как раз тогда, это направление курировал. Ну и хлопот с ним было. Зато теперь хлопоты, похоже, окупаются. Ну ладно, выздоравливайте. Через пятнадцать дней жду следующего доклада.

Четыре дня меня не трогали. Майора я не видел. Пару раз врач приходил. Заживление идёт нормально. Обещали через пару недель гипс снять. Ну и я со своей стороны чуть-чуть постарался. ОФП, растяжка, чтобы руку не тревожить. Занимается со мной Таня. Как-то странно она на меня смотрит, когда думает, что я не вижу. А так глаза отводит и краснеет почему-то. Что же там произошло? Когда мне надоело очередной раз пытаться вспомнить, я чуть не закатил себе кулаком в лоб.

«Чего ж я оперативку-то терзаю? Вот что значит отсутствие опыта. Давай посмотрим, что видели мои глаза... ничего себе. Ничего себе! Это я их так? Больше вроде некому. Так, а вот и майор. Так, руку мне, это он. А грудь у Тани очень даже ничего. Теперь понятно, чего она

краснеет. Блин, чего я творю-то? Теперь мне при встрече краснеть придётся. А спеленал я её на раз. Так, не отвлекайся. Лучше посмотри, чем это в меня майор запустил. Ого. А ведь это даже не заклинание. Это индивидуальный уникальный навык. Ну, навроде того, что Райкин говорил: Лично я пришиваю пуговицы. К пуговицам претензии есть? Нет. Пришиты насмерть не оторвёшь. Вот и майор такие пуговицы пришивает. Может он и маг слабенький, и больше не умеет ничего, ему за одну такую способность весь магназ памятник должен отлить. Ага, в бронзе и с надписью: Великому учителю, выжившие ученики. Так, а чего же мне мерещилось тогда? Вот это уже посложнее будет. Это ведь не в физическую память заглянуть».

Через два часа мучений я мокрый и красный вышел из транса. Нихрена у меня не получилось. Перед глазами какие-то цветные пятна, фигуры незнакомые в странной одежде мелькают. Вроде один раз доспех японский средневековый мелькнул. И охрененно красивое, тонкое, восточное, женское лицо, как будто нарисованное кисточкой на рисовой бумаге.

«Нда, ну ладно. На нет, как известно, и суда нет. А вот и Танечка. Как идёт-то, как идёт. Как будто вазу на голове несёт. Так! Не вздумай краснеть. А то она сразу поймёт, что ты всё помнишь».

— Кадет, на ужин идёте?

— Так точно, товарищ младший инструктор.

— Вольно. Идём вместе, я тоже проголодалась.

Ну вместе, так вместе. Идём. Таня сейчас не в форме, а в лёгком светлом платье до колен.

«Красивая. И главное, моему неокрепшему девственному организму так по башке бьёт, что аж в штанах больно. Шутка».

Сели вместе, поужинали. Гречка с подливой, чай и фрукты. Задумчиво очищая от кожуры мандарин Таня спросила:

— Чего после ужина делать собираешься?

— Не знаю ещё. Раньше пошёл бы на площадку с ребятами в волейбол поиграл, а сейчас рука.

— А ты вообще места здешние видел?

— Откуда? Я же с первого дня, как проклятый. Ни одного выходного.

— Ну если не против, пойдём со мной.

Вышли мы. Вот странно, откуда на Среднерусской возвышенности такой пейзаж? Как будто кусочек причерноморской степи сюда перенесли. Тихо, только ветер траву колышет, и кузнечики стрекочут. Потом я вспомнил. Точно. Глобальное похолодание же было. Вот лес и повывели, а новый не вырос ещё.

Мы подошли к берегу Волги и сели на небольшом пригорочке. И тут из-за горизонта выкатилась огромная, красноватая, вся в пятнах, в которых хорошо просматривался лунный кролик, Луна. Нет, даже Луница! Вокруг сразу стало раза в три светлее. Примолк хор неугомонных лягушек. От Луны к нам по воде протянулась светлая дорожка. А мы,

повернувшись друг к другу, на мгновение замерли, а затем начали целоваться...

Ушёл я из комнаты Тани только под утро. Думаю, она осталась довольна. Она ожидала неопытного шестнадцатилетнего мальчишку, а наткнулась на двадцатипятилетнего мужика в юношеском теле. На что она свалила все мои знания и техники не знаю. Может на сеть, а может на инициацию. Только стонала она так, что я побоялся, нас в казарме услышат. И ещё под утро почувствовал, что-то мне под крышку черепа забирается. Осторожно так. Ну тут уж моё заклинание слабости не дало. Зафиксировало проникновение в сознание и выкинуло к ёб... Таниной матери. Ибо нефиг у меня в мозгах шарить, я там сам ещё не всё знаю. А дорожку я запомнил.

— Понимаете, товарищ майор. Я только самое начало увидела. Бамбуковая роща, идёт кто-то. А потом хлоп, как стальная заслонка опустилась. И всё, ничего не вижу. А потом меня, как будто вышвырнуло оттуда, и на утро голова так болела.

— Не огорчайся. Ну, как он тебе вообще? Да ладно, хватит краснеть. Я ж тебя к нему в постель не подкладывал. Сама захотела. Бамбуковая роща, говоришь. Хм, и по стилю похоже, что-то знакомо-восточное. Окинава?

*ОФП — общая физическая подготовка.

<http://tl.rulate.ru/book/12842/251863>